

Цзян Юйшань в этом году только исполнилось семь лет, она была Великой госпожой, Восьмой принцессой династии Великая Ся, её ранг был выше, чем у Яшмовой госпожи.

Будучи дочерью нынешнего императора, она, хотя и была благородной аристократкой, её врождённая величественность не могла остаться незамеченной. Обычные герцоги и маркизы, стоя рядом с ней, теряли всю свою уверенность перед её подавляющим присутствием.

Эта величественность всегда напоминала Гу Шэн о Втором высочестве.

С первого дня, как Гу Шэн поступила в Императорскую академию, каждый день после занятий она прогуливалась по саду перед вторыми воротами, чтобы «случайно» встретить вторую принцессу Цзян Хань.

Хотя это поведение было глупым, оно работало.

Цзян Хань никогда не любила брать с собой охрану, в отличие от Первого принца, который любил выставлять себя напоказ. Каждый раз, когда Цзян Хань входила или выходила из Императорской академии, рядом с ней было всего три-четыре слуги, которые не спешили выгонять Гу Шэн.

Таким образом, Гу Шэн уже «случайно» встречала Цзян Хань четыре раза.

Однако, независимо от того, выходила ли Цзян Хань, разговаривая с кем-то, или молча одна, она... ни разу не взглянула на Гу Шэн.

Как можно было не заметить такую кругленькую толстушку? Гу Шэн начала подозревать, что Цзян Хань намеренно избегает её.

Эта мысль ранила и пугала её. Может быть, ранняя встреча приведёт к худшему исходу?

В панике Гу Шэн решила, что в ближайшее время не будет активно появляться перед Цзян Хань.

Солнце клонилось к закату, два часа занятий подходили к концу.

Как только учитель ушёл, Гу Шэн посмотрела в окно. Слуги, ожидавшие снаружи, получив сигнал, поспешно вошли, быстро собирая её письменные принадлежности, включая иглы, нитки, кисти и тушечницу.

Гу Шэн повернула голову, чтобы посмотреть на небо за окном, и вдруг услышала, как несколько детей за соседним столом оживлённо обсуждают что-то. Она подошла, чтобы послушать.

Оказалось, они говорили о маленьком императорском аристократе сверхранга, который родился в декабре и, возможно, будет отправлен в школу после того, как ему исполнится три года.

Этот слух уже давно распространился по столице.

Гу Шэн была немного недовольна. Почему же о малейших движениях Второго высочества не говорят так много?

Казалось, что любая новость о Девятом высочестве, этом негодяе, могла вызвать волну обсуждений среди всего народа Ся.

Из-за слухов о том, что Девятое высочество может поступить в школу после трёх лет, многие Яшмовые госпожи, которым уже исполнилось восемь, были оставлены в подготовительной школе благодаря связям своих старших.

Они готовы были отложить своё официальное поступление на несколько лет, только чтобы маленький императорский аристократ мог их заметить.

Гу Шэн не могла не посмеяться. Судя по её воспоминаниям из прошлой жизни, этот маленький императорский аристократ, хоть и был негодяем, который не отказывался от красивых женщин, но ведь ему нужно было достичь физической зрелости, чтобы у него появились такие желания.

Зачем сейчас спешить показываться перед ним?

В три года этот малыш, возможно, даже не сможет назвать своё имя, как же он запомнит эти мимолётные встречи?

Погружённая в эти мысли, Гу Шэн вдруг заметила знакомую фигуру, мелькнувшую перед глазами. Затем её стол был толкнут, и ножка стола, скользя по полу, издала пронзительный скрип.

Гу Шэн очнулась, почувствовав тяжесть на ногах, а затем лёгкий холод от живота до бёдер. Опустив взгляд, она увидела, что её тушечница опрокинулась на ноги, и верхняя одежда мгновенно почернела.

Сердце её ёкнуло. Она схватила тушечницу, резко встала, и пальцы тут же оказались покрыты чёрной тушью, которая продолжала стекать по одежде. В панике несколько слуг начали судорожно вытирать её своими рукавами.

Гу Шэн с ужасом смотрела на свою одежду. Этот тёмно-синий халат с узорами был подарен ей на день рождения госпожой Янь. Она потратила огромные сбережения, чтобы купить высококачественный шёлк из Сучжоу, и вместе с юбкой весь комплект стоил более тридцати лянов серебра.

Гу Шэн никогда не надевала этот наряд дома, только для того, чтобы выглядеть достойно в школе, на случай встречи с Цзян Хань.

Теперь, глядя на чернильное пятно, она почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза. Подняв голову, она с гневом посмотрела на того, кто толкнул её стол!

Виновником, стоящим напротив, оказалась Гу Жао, которая всё ещё хихикала.

Увидев, что Гу Шэн смотрит на неё, Гу Жао поспешно прикрыла бок, которым ударились о стол, скривилась и застонала, а затем, как настоящий злодей, первая указала на Гу Шэн и крикнула:

— Как ты поставила этот стол! Он торчит, ты что, хотела убить меня?

Гу Шэн почувствовала, как кровь прилила к голове. В горле застрял комок, она сжала кулаки, но не могла вымолвить ни слова.

Как смешно и грустно, что её первый приступ гнева с момента перерождения был вызван платьем, которое стоило меньше ста лянов.

Цзян Хань когда-то держала её в своих руках, разве она не наслаждалась роскошной жизнью? Но эти тридцать с лишним лянов были сэкономлены госпожой Янь на каждую её шпильку, на каждую пару туфель!

Почему они должны быть испорчены другими!

Гу Жао, видя, что Гу Шэн дрожит от гнева и молчит, почувствовала странный страх. Повернувшись, она позвала друзей и начала жаловаться на Гу Шэн:

— Я всегда знала, что ты не можешь терпеть меня как старшую сестру! Дома я всегда уступаю тебе, но здесь, на людях...

— Хлоп!

Не дав Гу Жао закончить, Гу Шэн подняла тушечницу и изо всех сил бросила её. К сожалению, она промахнулась, и тушечница пролетела мимо уха Гу Жао, разбившись на куски!

Гу Жао вздрогнула от ужаса, дрожащей рукой вытерла чернила с щеки и, опустив руку перед глазами, закричала:

— Уааа!

И залилась слезами.

Несколько аристократов из домов герцогов и маркизов окружили Гу Шэн, возмущённо крича, что она не знает уважения к старшим, и завтра они пожалуются учителю, чтобы её выгнали из школы.

Гу Шэн почувствовала, как мир вокруг неё закружился. Она сожалела только о том, что не попала в Гу Жао, но под этим потоком грязных обвинений её охватило чувство безнадёжного страха.

Неизвестно, как долго её ругали, когда вдруг сзади раздался слегка знакомый голос:

— Это странно, о чём ты плачешь? Неужели её стол сам подошёл и ударил тебя?

Гу Шэн на мгновение подумала, что это голос Цзян Хань. Хотя он был детским, в нём чувствовалась знакомая интонация.

Вокруг мгновенно воцарилась тишина. Аристократы из домов герцогов замолчали, опустили головы и отошли на несколько шагов, на их лицах читался детский страх.

Гу Шэн, с покрасневшими глазами, удивлённо обернулась и увидела, что за ней стоит обычно молчаливая Восьмая принцесса.

Лицо Восьмой принцессы было таким же круглым, её красивые глаза в форме феникса с любопытством рассматривали Гу Шэн. Увидев её обиженное лицо, принцесса почувствовала лёгкую жалость.

В тот же момент Гу Жао замолчала и опустила голову.

Семьдесят с лишним маленьких аристократов в классе затихли, не смея даже дышать. В отличие от обычного шума после занятий, атмосфера стала напряжённой, даже более тихой, чем когда учитель был в классе.

Дети, уже собравшие свои вещи, не смели двигаться. Сидящие сзади, стора от любопытства, вытянули шеи, чтобы увидеть, кто же этот несчастный, который разозлил Восьмую принцессу.

Хотя в Императорской академии официально отменены все ритуалы, связанные с происхождением, кто бы осмелился действительно считать себя равным императорской дочери? Это всего лишь игра в близость с императорской семьёй.

В этот момент чернила на правом ухе Гу Жао медленно стекали, доходя до подбородка, где тонкие волоски на лице начали зудеть. Однако она опустила руки и не смела почесаться.

Перед поступлением в школу госпожа Шэнь закрыла дверь и учила её, как можно ближе сблизиться с этой маленькой императорской Великой госпожой в подготовительной школе.

Даже если не удастся завести дружбу, нужно быть почтительной и уступчивой, ни в коем случае не перебивать её и не противоречить ей.

Хотя Гу Жао была грубой, она понимала, кого можно обижать, а кого нужно почитать как божество.

Перед ней стояла та, кого она не смела обижать даже сотней голов.

Восьмая принцесса Цзян Юйшань уже начинала терять терпение. Она выпрямилась и надула губы, обращаясь к Гу Жао:

— Почему ты молчишь? Разве мы несправедливо обвинили тебя?

Гу Шэн удивилась, моргнув, и посмотрела на маленькую принцессу. Она не казалась одной из тех «важных персон», которые говорят «мы» и «нам», скорее, она была похожа на обычного ребёнка из соседнего двора, не слишком соблюдающего формальности.

Гу Жао же вздрогнула от страха, готовая упасть на колени и умолять о прощении. Но вспомнив, что в школе нельзя кланяться одноклассникам, она дрожащим голосом ответила:

— Нет... нет, это я сама случайно задела стол, прошу прощения, Ваше высочество...

<http://bllate.org/book/16655/1526342>